

Виктор Королев

г. Екатеринбург

Любимое вино английской королевы

Приказала королева доставить ко двору того наглеца...

– Так вы утверждаете, что любую женщину можно купить за деньги?

– Да, Ваше Величество, – смиренно отвечал чужеземец.

– Вы лжец! Меня никто не может купить, я самая богатая женщина в мире, у меня сто миллионов фунтов стерлингов! – вскипела королева.

– А я бы предложил вам сто миллиардов, – заявляет бесстыжий чужеземец.

– Сто миллиардов? Да где вы найдёте такие немислимые деньги?!

– Ну вот, женщину мы нашли. Осталось найти деньги...

...Сию, посмеиваюсь над старым анекдотом. А самому не очень смешно. Потому что в который раз без работы и где найти деньги – не знаю. В голове никаких мыслей. На дворе начало девяностых. Надо встрепенуться и хотя бы выйти на улицу.

В ближайшем магазине продавали вино. Это уже неплохая новость после того, как Лигачёв лишил нас выпивки, а Гайдар за-

куски. Причём народу было немного, а сухое молдавское призывно светилось на полках густо-рябиновым цветом. И стоило оно, в пересчёте на добрые советские времена, рубль тридцать две, что полностью соответствовало содержимому моего кошелька.

Вино называлось «Негру де Пуркарь» и пахло чёрной смородиной. Я люблю сухие красные вина. Но только, чтоб не кислятина какая, а нормальное, «мохнатое». Мохнатое – потому что послевкусие такое, словно во рту бархатной тряпочкой прошлись. Пару бокальчиков такого вина и – твори себе, выдумывай, пробуй.

«Негру де Пуркарь» мохматым не было. Не знаю, что молдавские негры нашли в нём хорошего. Хотя если с толком, с расстановкой, то в привкусе можно всё-таки уловить некий сафьяновый налёт. И за то спасибо. Придвинул к себе пачку свежих газет – начинаю изучать рынок труда: кому я нужен, берите, пока не передумал.

Вот «Из рук в руки». Хм, от отца к сыну? Вот «Труд» – это понятно, за две копейки. «Правды» нет. Что ещё? «Аргументы и факты» – почитаем, почитаем.

Заметка называлась «Вино английской королевы». И утверждалось в ней, что Пол Баррелл, мажордом двора Её Величества, ежегодно закупает для королевских нужд сухого вина на сто тысяч фунтов стерлингов. И нынче снова приобретено десять бочек молдавского «Негру де Пуркарь», обожаемого Елизаветой II.

Братцы, да что же это делается? Я тут вино попиваю за рупь тридцать две, а они такие бешеные деньжищи тратят? Их же дурят эти негры, дурят! Можно даже быстренько подсчитать, сколько твёрдой валюты не за фунт табаку пропадает!

Делим сто тысяч фунтов на десять – это где-то десять тысяч одна бочка, правильно? Кладём в каждой бочке по сто литров, это приблизительно двести бутылок, всего две тысячи. Сто тысяч на две – в пятьдесят фунтов каждая бутылочка обходится королеве. По нынешнему курсу это больше 2000 наших рублей! А я всего за рупь с

хвостиком покупаю. Да это не мажордом, а дурдом какой-то – сколько же он откату имеет?

Понятно, что чужие деньги счёта не любят. Но мне и за королеву стало обидно, и прямо руки зачесались ворюгу-управдома на место поставить. Да хорошо бы при этом и самому заработать. А как?

Налил я ещё бокальчик густо-рябинового. Нет, мохнатость всё-таки присутствует, зря его обижал. Вкус есть – и у вина, и у английской королевы. Надо ей глаза открыть – вот что! Пусть знает, что за дела туманные в её королевстве творятся. Прямо сейчас напишу ей письмо. По-английски, правда, я ни слова, кроме «wonderful girl, is not it?». И вроде обращаться к Её Величеству надо «ю мэджести». А, ладно, можно и по-нашему, по-русски, там ей переведут.

Во первых строках, как и положено, я выразил английской королеве своё восхищение демократическими преобразованиями, что она проводит в своей стране, поблагодарил душевно за поддержание мира во всем мире и за помощь угнетённым народам, пожелал успехов в труде и личной жизни. Потом перешёл к делу. Подробно описал все свои расчёты, аргументированно доказал, что мог бы поставлять вино по совсем другим расценкам, и тогда ежегодная экономия её бюджета только на этом продукте составила бы десятки тысяч фунтов стерлингов. В конце прямо намекнул, что временно нахожусь без работы и ежели мы с ней эту экономию поделим пополам, то лучшего и желать не надо.

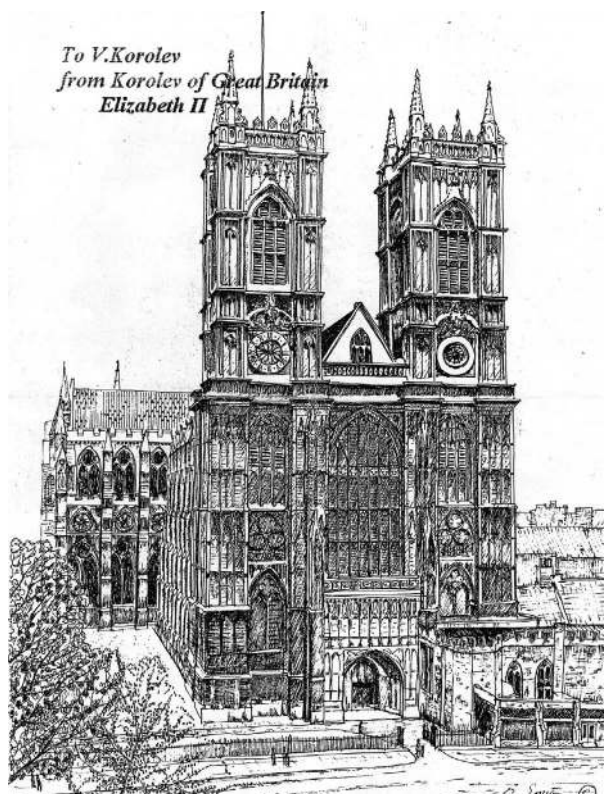
«Лондон. Ту Элизабэт Ту» старательно вывел я на конверте... Женщину мы нашли, осталось найти деньги. Посмотрим, что из этого получится. В конце концов, можно с ней и поторговаться.

А вскоре я нашёл работу. Проходили месяц за месяцем – от английской королевы ни ответа ни привета. И вдруг... Огромный конверт (сразу предупреждаю: не сохранился) с красивой маркой. Из Лондона!

Нечего и говорить, что чека там не оказалось. Там и письма-то не было. В конверте на-

ходилось нечто большое и красивое – открытка, на которой надпечаткой по-английски подтверждалось, что сие дарится «Фром Элизабэт Ту», это значит, от самой королевы Великобритании!

От гордости и светлого будущего меня всего распирало. Декламировал: «И вот стою я, Колька Букин, у Букин-гемского дворца». Пошёл, сдал посуду, ещё одну «Негру де Пуркаръ» купил – ну прямо нектар, царский напиток, мохнатый шмель!

Сел за письмо родителям. Папа был тяжело болен, и мне захотелось всё ему рассказать, чтобы хоть как-то приободрить... Папа ответил: «Спасибо тебе, сынок, ты так меня порадовал! Мне как-то сразу стало намного лучше. Это надо же, сама королева!»

С тех пор прошло много лет. Иногда я очень жалею, что такой выгодный проект не заинтересовал английскую королеву. А ведь я готов был и уступить. Пусть не пятьдесят, пусть даже десять процентов – давно уже на Бейкер-стрит жил бы. Может, даже консультантом по винам стал бы, сомелье по-ихнему.

Сальто-мортале последнего князя

Спецкурсов было много. К четвёртому году обучения на факультете журналистики в аудитории нашей побывали поэты и писатели, собкоры центральных изданий, литературные и театральные критики, дикторы и комментаторы... «Искусство спортивного репортажа» вёл Николай Озеров, а «Искусство кино» – Леонид Оболенский.

Мы про него почти ничего тогда не слышали. Знали только, что Леонид Леонидович живёт в маленьком городе Миассе Челябинской области, он «в опале», но по-прежнему снимается в кино. Это потом Оболенский станет легендой. Его будут называть «последним князем России», а первый президент новой страны Борис Ельцин в июне 1991-го присвоит ему звание народного артиста – чуть ли не первым своим указом.

Это потом мы прочитаем, что отец его был известным финансистом, заместителем командующего армией и даже замнаркома. Дед – публицист, философ, романист, поэт. Издавал на свои деньги научно-литературные журналы «Мысль» и «Русское богатство», в которых печатались Гаршин и Успенский, Мамин-Сибиряк и Вересаев, Чехов и Лев Толстой... Словом, фамилия видная. А сам Леонид в 16 лет ушёл добровольцем на фронт. И кто знает, как сложилась бы его судьба, если бы приехавшая на Урал киногруппа Льва Кулешова не увидела высокого и фотогеничного красноармейца. Он, что называется, попал в кадр...

Он будет стоять у истоков отечественного кино. Впрочем, стоять – это не про него. Вечно в движении, неутомимый чечёточник и танцор, эрудит и полиглот, фантазёр и мастер на все руки! Много позже журналисты спросят его о самом знаменательном событии в жизни. Без колебаний ответит: «Как я с Марлен Дитрих танцевал в Германии. Весь зал нам тогда аплодировал!»

Перед войной он уже доцент ВГИКа. А в 41-м снова уходит добровольцем на фронт. Дальше всё непросто. Окружение,

ПЛЕН, два побега. Допросы в НКВД, приговор. Строил железную дорогу Салехард – Игарка. Чудом остался жив. Организовал на зоне театр, слава о котором дошла до Москвы. После знаменитого XX съезда, разоблачившего культ личности, был «амнистирован и направлен в Свердловск для работы на киностудии в качестве звуко-режиссёра и второго режиссёра». Ставил научно-популярные фильмы, снова начал сниматься.

Он сыграл в 35 кинофильмах. Его называли королём эпизодов. В 1980 году Леонид Оболенский был отмечен премией «Золотая нимфа» на XX международном фестивале телевизионных фильмов в Монте-Карло за лучшее исполнение мужской роли в фильме «На исходе лета». Это чуть ли не единственная его награда. Власть считала, что, раз он «из бывших», его надо давить, «держат и не пущать».

Спустя много лет после учёбы в университете я написал Оболенскому письмо в Миасс. Ответ пришёл очень быстро. Меня поразила его первая фраза: «Простите, что пишу на машинке. Берегу Ваше время, чтобы Вы не тратили минут, разбирая мои каракули...» Это был ещё один урок. Урок любви и уважения к другим людям. Потом, когда его не станет (Оболенский чуть-чуть не дожил до 90-летия), вдова расскажет, что последними словами Леонида Леонидовича были: «Я прожил жизнь в любви. Это счастье – любить людей»...

С 1920-х годов тесная дружба связывала его с Сергеем Эйзенштейном. Вместе они откроют тайны монтажа и начнут снимать первые звуковые киноленты. Это будет новый вид искусства, и об этом искусстве Леонид Леонидович Оболенский приедет на наш журфак читать спецкурс.

...Он зашёл в нашу аудиторию стремительной, какой-то гордой походкой, в шикарном английском костюме, с галстуком-бабочкой у горла. Встал у доски, поздоровался, оглядел всех весёлым взглядом. Седые усы щёткой, огромный лоб, морщинистое лицо – ему было под семьдесят уже. Начал поставленным голосом:

– С удовольствием согласился прочитать этот спецкурс, хотя думаю, что в теории кинематографа я уже отстал. О языке кино и основах режиссуры вы прочитаете в учебниках Льва Кулешова. А я могу только рассказать, с чего всё начиналось и как получилось, что Кулешов заметил меня. Наверное, потому что я не боялся кинообъектива и вообще ничего не боялся. После первой же съёмки я был по его просьбе откомандирован в Москву. А там произошло вот что...

Леонид Леонидович обошёл преподавательскую кафедру, встал прямо перед нами и сказал трагикомическим голосом:

– У меня спросили: «Что я умею?» И мне пришлось показать...

Без разбега, без всякой подготовки ноги элегантного старика вдруг взлетели в воздух, лакированные башмаки описали дугу и впечатались в пол. Аудитория дружно выдохнула.

Оболенский снова оглядел нас, небрежно поправил пиджак и бабочку на шее, сказал абсолютно спокойно, с некоторой вальяжностью:

– Рад, что ещё могу совершать поступки. Я и тогда не стал отвечать, просто сделал заднее сальто – и всё...

Дальше был спектакль одного актёра. Он в лицах рассказывал, как познакомился с Эйзенштейном и Пудовкиным, как увлёкся звуковыми эффектами и монтажом, как начал преподавать актёрское мастерство и сценическое движение, как снял свой первый фильм и стал режиссёром на киностудии «Межрабпомфильм», которая позже получит имя М. Горького.

– Всё для всех было новым. Тогда существовали только театр и цирк. Мы шли от цирка. Но это была не просто буффонада. Это был эксперимент. Мы ломали устои, искали новое, мы дерзали. И кино давало прекрасный шанс для этого...

Позже Оболенский расскажет в своих воспоминаниях:

– Мы были потрясены, когда наугад склеенные фрагменты давали третий, четвёртый, многомерный смысл. Это было потрясением, изумившим нас: открывалось

необозримое поле для искусства, недоступное ранее. Мы поняли, что кино – это монтаж...

Звонок прозвенел совсем некстати. Перерыв. Аудитория потянулась за старым актёром на лестницу. А по этажам университета, опережая всех, мчалась новость: «Просто фантастическая лекция, вы такого никогда не слышали, идите к нам, не пожалейте!»

Мигом опустел читальный зал. Примчались с разных курсов филологи, историки, философы. Поместились по двое на каждой стуле, стояли в проходах, у задней стены. С княжеской невозмутимостью, словно он предвидел такие изменения, Оболенский продолжал:

– Учиться надо всему, каждый день и каждый час. Вам, журналистам, особенно. Потому что нет ничего смешнее дилетанта широкого профиля, способного в любом состоянии написать о чём угодно. Писать – это всегда волноваться и сопереживать. Без умения слушать и понимать собеседника нет профессии журналиста, нет вообще творчества. А прежде чем понять другого человека, нужно заглянуть в самого себя...

Он говорил медленно, чеканными фразами. И за каждым словом старого актёра чувствовалась огромная любовь к нам, студентам, желание научить доброте, оберечь нас на годы вперёд от глупости и невежества...

Снова прозвенел звонок. Оболенский закончил лекцию кратким напутствием:

– Никогда не лгите. Особенно себе. И никогда ничего не бойтесь. В добрый путь!

Потрясённый студенческий народ повалил из аудитории. К следующей лекции вернулись лишь единицы. По расписанию это была «История большевистской печати». Преподаватель ИБП грозно заявил, глядя на полупустую аудиторию:

– Староста, мне журнал на стол! Все, кто отсутствует без уважительной причины, будут отчислены!

Но мы уже знали, что с четвёртого курса не отчисляют. И мы уже ничего не боялись...